

Сибирский свертхтекст как гиперпалимпсест: специфика городского субтекста Новосибирска

Татарникова Юлия Андреевна,

старший преподаватель Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

ORCID: 0009-0002-7280-8060

i.tatarnikova@ngsu.ru

Аннотация

Статья продолжает апробацию аналитической модели сибирского свертхтекста как культурного гиперпалимпсеста в применении ее к Новосибирску. Если Кемерово демонстрирует тип индустриального центра с семиотикой «жертвы» и «ресурса», то Новосибирск раскрывается как иная модель — спроектированный административно-научный мегаполис, «столичный» проект в сибирском контексте. Цель — показать универсальность модели культурного гиперпалимпсеста, способной описать принципиально другой тип сибирского города, и выявить специфические механизмы смыслообразования в его субтексте. На материале Новосибирска исследуются ключевые характеристики гиперпалимпсеста: высокая плотность и конфликтность наложений (транспортный, административный, конструктивистский, индустриальный и научный пласты); наличие значимых лакун («донистории», «конструктивистской утопии», травматической памяти о репрессиях); нелинейность и «просвечивание» скрытых слоев (например, трагических условий обретения столичного статуса в логике последующего роста); многоканальность нарративов (архитектура, топонимика). Город существует в постоянной оппозиции. С одной стороны, официальная история успеха: выгодный транспортный узел, возведение наукограда и прочее. Но с другой — за этим скрыта иная реальность: насильственно навязанный столичный статус, формировавшийся в голоде и эпидемии тифа; следы «распределительных зон» стираются под застройкой элитным жильем; утопические проекты, оставшиеся лишь на бумаге. Статья доказывает эвристическую силу модели культурного гиперпалимпсеста для сравнительного анализа разнотипных городских субтекстов в рамках единого сибирского свертхтекста.

Ключевые слова: сибирский свертхтекст, гиперпалимпсест, Новосибирск, городской субтекст, семиотика города, исторические пласты, лакуны памяти, сибирская идентичность, культурная память города.

The Siberian Supertext as a Cultural Hyperpalimpsest: Specificity of the Urban Subtext of Novosibirsk

Yulia Tatarnikova,

Senior Lecturer,

Novosibirsk State University,

2, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0009-0002-7280-8060

i.tatarnikova@ngsu.ru

Abstract

This article continues the testing of the analytical model of the Siberian supertext as a cultural hyperpalimpsest [17], applying it to Novosibirsk. While Kemerovo exemplifies an industrial center with the semiotics of “victim” and “resource,” Novosibirsk reveals itself as a different model – a deliberately designed administrative and scientific metropolis, a “capital” project in the Siberian context. The aim is to demonstrate the universality of the cultural hyperpalimpsest model, capable of describing a fundamentally different type of Siberian city, and to identify the specific mechanisms of meaning-making in its subtext. Using Novosibirsk as a case study, the article examines the key characteristics of the hyperpalimpsest: high density and conflict of overlays (transport, administrative, constructivist, industrial, and scientific strata); the presence of significant lacunae (prehistory, constructivist utopia, traumatic memory of repression); nonlinearity and the “overseeing” of hidden layers (for example, the tragic conditions of gaining capital status within the logic of subsequent growth); and multichannel narratives (architecture, toponymy). The city exists in a constant opposition. On the one hand, the official success story: a favorable transport hub, the establishment of a science city, and so on. But on the other hand, a different reality lies hidden beneath this: a forcibly imposed capital status, shaped amidst famine and a typhus epidemic; traces of “distribution zones” being erased under elite housing; utopian projects that remained only on paper. The article proves the heuristic power of the cultural hyperpalimpsest model for the comparative analysis of diverse urban subtexts within the unified Siberian supertext.

Keywords: Siberian supertext, hyperpalimpsest, Novosibirsk, urban subtext, semiotics of the city, historical strata, lacunae of memory, Siberian identity, cultural memory of the city.

Библиографическое описание для цитирования:

Татарникова Ю.А. Сибирский свертхтекст как гиперпалimpseст: специфика городского субтекста Новосибирска // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 3, ч. 2. – С. 427–451. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.2-427-451.

Tatarnikova Y. The Siberian Supertext as a Cultural Hyperpalimpsest: Specificity of the Urban Subtext of Novosibirsk. *Ideji i idealy* = *Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 3, pt. 2, pp. 427–451. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.2-427-451.

Введение

Концепция сибирского свертхтекста как культурного гиперпалимпсеста, предложенная в нашем исследовании на материале Кемерово [17], открывает возможность для системного сравнительного анализа городских субтекстов всего региона. Кемерово – это индустриальный центр с травматическим генезисом, где идентичность формируется вокруг оппозиции «ресурс – жертва». Новосибирск представляет собой принципиально иной вариант: это город, спроектированный как административно-научный центр, «столичный» проект в сибирском контексте. Гипотеза исследования заключается в том, что, несмотря на внешнюю «образцовость» и нарратив последовательного прогресса, семиотика Новосибирска столь же глубоко конфликтна и палимпсестна, как и у Кемерово. Однако природа конфликта здесь другая: противоречие между триумфальной логикой модернизма и скрытыми травмами ее насильственного осуществления.

Методология исследования опирается на предложенную ранее трехкомпонентную полевою структуру (историко-событийный, культурно-географический, образно-метафорический компоненты) и на ее двухаспектный анализ (диахрония и синхрония). В данной статье представлены результаты исследования первых двух компонентов.

Анализ городского субтекста Новосибирска

Новосибирский гиперпалимпсест – это не легкий путь развития, который город выбрал для себя. Это сложное наложение пластов, где каждый следующий слой не сохраняет предыдущий, а часто вытесняет или уничтожает его. Отношения между ними далеко не простые, а конфликтные. Перед тем как перейти к непосредственному анализу, обратим внимание на то, что историко-событийный компонент невозможно в полной мере увидеть без обращения к географическому компоненту. Именно он во многом сможет показать всю предопределенность исторических событий исследуемого региона. Поэтому логика представления будет следующей. Во-первых, обратимся к географическому компоненту, который покажет природную основу региона. Во-вторых, рассмотрим историко-событийный компонент, проследив его противоречивую динамику. В-третьих, отметим культурологический компонент: как город запоминает событие, что вытесняет из актуальной культурной памяти.

1. Географический компонент

Новосибирская область, точнее большая ее часть, лежит на стыке Западносибирской равнины (юго-восток) и Салаирского кряжа (восток); их разделяет река Обь, текущая по древнему тектоническому разлому [8, с. 5].

Этот природный разлом позже нашел отражение в истории города. Правобережье стало административным и культурным центром, тогда как левобережье долгое время оставалось зоной транзита и промышленности.

Появление самого Новосибирска было предопределено геологическим фактором, который способствовал зарождению первого палимпсестного слоя. Как отмечает А.А. Мутако, значительная часть города (как на левом, так и на правом берегу) расположена на огромной гранитной плите. Гранитное основание Новосибирска возникло сотни миллионов лет назад, в конце палеозойской эры. В результате бурных тектонических процессов из земных недр поднялась расплавленная гранитная магма, но она не вышла на поверхность, а огромным языком горизонтально растеклась между слоями осадочных пород, да так и застыла. Гранитные массивы видны в долине Оби, в Мочищенском, Барлакском карьерах, в карьере возле издательства «Советская Сибирь» [8, с. 36]. Этот факт сыграл важную роль при выборе места для моста при строительстве Транссибирской магистрали. Наличие «гранитной основы» стало той точкой опоры, вокруг которой вырос Новониколаевск (после Новосибирск). Месторождения гранита предопределили и разработку карьеров по добыче строительного камня в окрестностях города – это уже последующее наложение индустриального слоя на геологический.

Обское море – это следующий слой. Здесь мы намеренно отойдем от хронологии и забежим вперед, чтобы показать, к каким результатам привело его появление. История строительства Новосибирской ГЭС начинается с 1950 года, а осенью 1956-го за трое суток перекрыли плотиной реку, сбросив на дно тысячи кубометров камня. Заполнение водохранилища водой продолжалось более двух лет (до середины 1959 года). Последствия оказались неоднозначными. Средняя годовая температура воздуха в окрестностях водоема поднялась на градус, сухой, резко континентальный и относительно безветренный климат приобрел некоторые черты морского климата [8, с. 35]. На территории водохранилища часто дуют сильные ветры. Волны (до 3-х метров) размывают берега моря. За 40 лет после строительства плотины берега водохранилища на разных участках были смыты на расстояние от 50 до 600 метров, и этот процесс продолжается и сейчас [8, с. 35].

Помимо разрушения берегов и изменения климата, создание Новосибирского водохранилища нарушило воспроизводство рыб (осетр, нельма), преградив им путь на нерест; размыв берегов заливает дно. Под воду ушли процветавшие деревни – больше десяти тысяч дворов. На дне оказался старинный Бердск (нынешний Бердск отстроен заново на другом месте). Перед затоплением вырубали 33 тысячи гектаров леса, вода поглотила плодородные пойменные земли и луга [8, с. 37].

Все это – не просто факты, а стертый текст. Вода заместила собой весь предыдущий ландшафт. Сегодня Обское море воспринимается как естественный водоем – место отдыха, ловли рыбы. Катастрофа стала нормой.

Таким образом, географический компонент Новосибирска строится на нескольких разнородных напластованиях. Во-первых, природное, исконное, которое люди использовали как готовую базу. Во-вторых, рукотворное, катастрофичное, которое со временем стало естественным. Между этими слоями образовалась лакуна в виде затопленных деревень, вырубленного леса, ушедшего под воду Бердска, которые не имеют мемориальных маркеров. Здесь слои не просвечивают, как в классическом понимании палимпсеста. Один слой вытеснил другой и физически занимает его место.

2. Историко-событийный компонент

Историко-административный пласт. Древнейшие следы человека на территории будущего Новосибирска относятся к I тысячелетию до н. э. История города началась с небольшого древнего поселения на территории современной ТЭЦ-5 (Октябрьский район). Археологи фиксируют заселение этих мест 10–14,5 тысяч лет назад, о чем «свидетельствуют ранние стоянки в Барабе, в предгорьях Салаирского кряжа» [9, с. 7]. Лингвисты прослеживают смену культур по сохранившимся палеоазиатским, индоиранским, урало-самодийским топонимам [9, с. 7]. Во второй половине I тысячелетия н. э. регион пережил тюркизацию. Появились этнические группы сибирских татар. Затем эти земли вошли в состав Сибирского ханства, что создало первый политический горизонт. Он исчез при присоединении Сибири к России. Активной колонизации региона долгое время препятствовали набеги джунгар. Таким образом, древнейший слой присутствует в ландшафте и языке, но полностью вытеснен из актуальной *культурной памяти города*¹ [18], образуя глубинную доисторическую лакуну.

С конца XVII века начался следующий этап развития региона, связанный с планомерным заселением русскими и представителями других народов Европейской России. Оно шло по трем направлениям: с севера (из Томска), с востока (из Кузнецка) и с северо-запада – из Тары через Барабинскую лесостепь вдоль формирующегося Московско-Сибирского тракта. Первые достоверные поселения (Кругликово, Гутово, Изылы) возникли в 1690-х годах. Около 1710 года в границах будущего Новоникола-

¹ Н.Г. Федотова определяет *культурную память города* как «сложное пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов города (городских смыслов)». Под культурными смыслами города она понимает «значимые для горожан элементы культуры города – символы, образы, мифы, факты, события, знаковые места, являющиеся единицами хранения и репрезентации культурной памяти» [18].

евска, позже Новосибирска, была основана деревня Кривощёково. Освоение территории обеспечивалось сетью укрепленных острогов и форпостов, таких как Умревинский (1703), Бердский (первое десятилетие XVIII века), Чаусский (1713), Канский, Убинский, Усть-Татарский (1722) [9, с. 7]. Эти остроги выполняли не только оборонительную, но и административную функцию, становясь центрами для окрестных поселений. Сегодня от большинства из них не сохранилось даже руин, однако их местоположение во многом повлияло на расположение будущих дорог и на вектор расселения.

В терминах культурной памяти это пример того, что Н.Г. Федотова (вслед за А. Ассман) называет *потенциальной памятью*: «следы прошлого, которые не объективированы в актуальных городских практиках (в праздниках, в топонимике улиц, мемориалах), но хранятся в ландшафте, в архивах, в текстах культуры и могут быть актуализированы при смене культурных кодов» [18]. Остроги XVII–XVIII веков, утратив свое первоначальное значение и не будучи включены в современную коммеморацию, тем не менее «продолжают существовать как латентные культурные смыслы» [18], незримо организующие пространство и ожидающие нового прочтения. В отличие от лакун, возникающих в результате активного семиотического стирания, здесь мы имеем дело с пассивным забвением: следы сохранились, но временно выпали из актуальной культурной памяти города.

Дальнейшие слои связаны с административным делением региона. С 1708 года территория современной Новосибирской области входила в Сибирскую губернию (центр – Тобольск). В 1764 году ее отнесли к Тобольской губернии. В 1781 году из последней выделили Колыванское наместничество, включившее южную и восточную части края [9, с. 8]. В 1783 году его переименовали в Колыванскую губернию. В нее входило 5 уездов: Колыванский, Бийский, Кузнецкий, Семипалатинский и Красноярский. Губернским центром был Бердский острог, переименованный в Колывань [1, с. 9–10]. Колыванская губерния конца XVIII века простиралась до Красноярска и Семипалатинска. Нынешняя территория области в тот период была административным центром обширного региона, включавшего земли, которые сегодня принадлежат Республике Казахстан (Семипалатинск) и другим областям России (Красноярск, Бийск, Кузнецк). Прямой преемственности между этими образованиями и современной Новосибирской областью нет – Колыванскую губернию упразднили, а ее территорию перекроили заново. Но для модели гиперпалимпсеста этот момент важен по нескольким причинам.

Во-первых, он показывает нелинейность административной истории: Колыванская губерния не была этапом на пути к образованию Новосибирской области, а представляла собой иную конфигурацию пространства.

Во-вторых, присутствует эффект просвечивания: хотя губерния упразднена, ее бывший центр (Бердск) продолжает существовать, а города, входящие в ее состав, сохраняют региональное значение, но уже в других административных границах.

В-третьих, образовалась лакуна в культурной памяти Новосибирска: факт пребывания Бердска в статусе губернского центра никак не маркирован в современном городском тексте.

В-четвертых, трансграничный характер губернии (включение Семипалатинска) создает дополнительное измерение палимпсеста, где память о прошлом пересекает современные границы двух государств.

Колыванский эксперимент оказался недолгим. В 1804 году образовалась Томская губерния, включившая почти всю будущую Новосибирскую область. В 1860-х годах на территории Киргизской степи появились новые области: Акмолинская (вместо Омской), Семипалатинская, Тургайская, Уральская, Семиреченская (последняя в 1897 году была присоединена к Туркестану). Области Сибири отличались от губерний тем, что на их территории находились постоянные и регулярные войска (казаки); поэтому областной начальник был одновременно главой и гражданского, и военного управления [3, с. 241]. В 1882 году, одновременно с учреждением степного генерал-губернаторства, объединившего области, было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство.

В XIX веке территория нынешней области не была целостным образованием. В период с 1822 по 1882 год Томская губерния вместе с Тобольской и созданной в 1868 году Акмолинской областью входили в Западно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Тобольске, а затем в Омске. В административном делении второй половины XIX – начала XX века в пределах нынешней области располагались следующие округа (с 1898 года – уезды) Томской губернии: Каинский, северная часть Барнаульского, западная часть Томского и небольшая территория Кузнецкого уезда на юго-востоке Тогучинского района [9, с. 8]. Все разрозненные зоны тяготели к разным уездным центрам: западные районы – к Каинску (ныне Куйбышев), южные – к Барнаулу, северные – к Томску, восточные – к Кузнецку. Единого административного центра не было. К концу XIX века ситуация меняется. Строительство Сибирской железной дороги и рост экономики потребовали новых административно-территориальных изменений [1, с. 9–10]. Затем грянула революция.

В 1917 году в Томской губернии появляются новые уезды: Новониколаевский, Каменский, Славгородский, Тогурский (Нарымский) и Каракорумский (Торно-Алтайский). 17 апреля 1917 года из Томской губернии выделили Алтайскую с Барнаульским, Бийским, Каменским, Славгородским, Змеиногорским и Каракорумским уездами. 27 августа 1919 года образована

Омская губерния, в состав которой вошли Ишимский, Тарский, Тюкалинский (из Тобольской губернии), Омский (из Акмолинской области), Татарский (из Томской губернии) уезды [1, с. 10]. Революционный период 1917–1921 годов демонстрирует хаотическое перекраивание границ. Административно-территориальное устройство бывшей Российской империи, основанное на административно-полицейских принципах, более не соответствовало новой системе и задачам государственного управления. После Октябрьской социалистической революции началось его коренное изменение. Последствия этого перекраивания оказались долгосрочными. Каракорумский (Горно-Алтайский) уезд впоследствии стал основой для автономии алтайцев. Каменский и Славгородский уезды сегодня находятся в Алтайском крае. Территории, вошедшие в Омскую губернию, ныне распределены между Омской областью и Северо-Казахстанской областью Республики Казахстан.

Для гиперпалимпсеста важно, что революционный период не просто создал новые границы, а обнажил условность любых административных границ как таковых. Все, что казалось нерушимым, разрушили за несколько лет. Возник разрыв и неопределенность: старые идентичности уже утратили силу, а новые еще не закрепились.

Именно на этом фоне в 1920-е годы начинается конструирование советской административной системы с центром в Новониколаевске. Новая система позиционировала себя как «естественная», опирающаяся на объективные экономические связи. Но на деле она легла поверх хаоса революционной перекройки, наследуя его логику.

Решающим становится момент обретения Новониколаевском столичного статуса в 1921 году. Это был результат не естественного развития, а острого конфликта: политическое решение столкнулось с непригодной для этого материальной и социальной базой. События, связанные с Гражданской войной, стали травматичной платформой зарождения столично-административного статуса города. Город оказался в кризисном «котле». С одной стороны – одобренное Москвой решение Сибревкома о переносе столицы в Новониколаевск, с другой – город в состоянии коллапса: эпидемия тифа, голод, топливный кризис, тысячи трупов и полное отсутствие жилого фонда. Как отмечает С.А. Папков, этот режим «чрезвычайщины» становится семиотическим знаком эпохи – символом революционного насилия над средой. Власти пытались найти решение данной проблемы через институционализацию населения, создав Чрезвычайную жилищную комиссию (ЧЖК). Ключевыми органами управления на этом этапе, повлиявшими на дальнейшую судьбу города, становятся Сибревком и ЧЖК (и эпидемия, которую в простонародье называли «Чекатиф») [15].

Перенос столицы из Омска в Новониколаевск обернулся новым ударом. На тот момент Новониколаевск не был готов к принятию и размещению всего омского госаппарата. Решением стала «разгрузка города», за формальным названием которой скрывалось «расквартирование и принудительное выселение горожан из Новониколаевска на 10–15 верст» [15, с. 16]. Данный «ход» не увенчался успехом, и были предприняты попытки более жесткого выдворения горожан. Дальнейшее размещение «Сибов» происходило по следующей схеме: учет «нетрудоспособного элемента», «поулочное обследование» и «извлечение из недр» без «излишней волокиты» [15, с. 17]. Выселяли всех, кто не был связан с госслужбой, у кого не было никакого имущества, а также дезертиров, нетрудоспособных, спекулянтов. Таким образом, административный переезд спровоцировал не просто миграцию, а глубокий социальный раскол. Он заложил основу для долгосрочного отчуждения между местной властью и горожанами.

Решения ЧЖК не могли остановить хаос, охвативший город. Постоянным жильем становилось любое мало-мальски пригодное помещение: общежития, амбары, дачные домики, бани, складские помещения и другое. К июню весь аппарат Сибревкома был перевезен, заняв здание бывшего реального училища². Проблему с размещением не решили – она оставалась болезненной еще несколько десятилетий. Система, созданная для преодоления кризиса, на практике усугубила ситуацию.

Большевистский режим был не в состоянии управлять из центра огромной сибирской территорией. Возникла необходимость в особом «сибирском правительстве», в которое входили Сибревком и Сиббюро ЦК РКП(б). К 1924 году данный орган власти прекратил свое существование, но Новониколаевск (с 1926 года – Новосибирск) продолжал существовать как общесибирский центр. В 1930 году эта роль ослабла в результате разделения Сибирского края на Западно- и Восточно-Сибирский. В 1937 году «столица» Сибири исчезла окончательно, превратившись в один из областных городов на востоке страны.

² Ул. Красный проспект, 3. С 1913 года – «реальное училище им. Дома Романовых». Реальное училище занимало здание до 1921 года. В нем в разные годы размещался ряд государственных учреждений: до 1925 года – Сибревком, для которого затем было построено здание по соседству (Красный проспект, 5); с 1923 по 1924 годы – Сиббюро ЦК РКП(б); в 1925–1926 годах – Сибкрайисполком и Сибкрайком; с 1926 по 1929 годы – Сибфин, Рабоче-крестьянская инспекция, СибОНО и Сибзем. В 1929 году здание было надстроено и реконструировано. В 1929–1931 годы – химико-политехнический техникум; в 1930–1932 годы – Коммунистический вуз им. Ф.Э. Дзержинского; в 1932–1938 годы – Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В 1938 году в здании разместился окружной военный госпиталь № 333. 23 октября 1939 года Новосибирский облисполком принял решение о создании здесь областной клинической больницы с институтом усовершенствования врачей. С 1941 по 1943 годы в нем находился эвакогоспиталь № 2493; с 1943 года – снова областная клиническая больница. В настоящее время здесь находится муниципальная детская клиническая больница скорой помощи № 3.

Так возникает слой временной столицы. Город прошел через мучительный, насильственный рывок к статусу, но не смог его сохранить. Назначенный столицей в кратчайшие сроки, он так и не стал ею по-настоящему, оставшись с ощущением незавершенности и нереализованности. Несмотря на быструю утрату «столичного» статуса, город сохранил и приумножил научный, транспортный и культурный потенциал, заложенный в 1920-е годы. Примером является Академгородок, ставший прямым наследником логики централизации лучших ресурсов, опробованной при создании Сибревкома. В то же время установленная в 1920-е модель решения проблем через концентрацию ресурсов и людских масс стала частью городского кода. Послевоенная индустриализация и научная модернизация проводились в режиме «чрезвычайщины» – как масштабные государственные кампании, воспроизводя логику первоначального «переезда аппарата».

Статус первого сибирского миллионника (1962) становится не просто демографическим фактором, а сложным семиотическим знаком. С одной стороны, он компенсирует утраченную «столичность», как бы оправдывая возложенные на него в 1921 году обязательства. С другой стороны, быстрый рост усугубил старые проблемы (дефицит качественного жилья, социальная разобщенность), уходящие корнями в хаос 1920-х.

Подводя итоги, можно выделить следующие особенности данного пласта.

Во-первых, лакуны пассивного забвения, в которые попадают доисторический слой и остроги. Они утратили свои функции, не сохранились как материальные объекты, но при этом оказывали влияние на организацию дорожной сети и вектор расселения. Это и есть потенциальная память, о которой говорилось выше.

Во-вторых, лакуны, возникающие в результате активного семиотического стирания. Классический пример – Колыванская губерния (1783–1804).

В-третьих, фрагментарный нулевой слой, вступающий в конфликт с последующими административными решениями. Томская губерния представляла собой совокупность периферийных зон, не имела единого административного центра. Советское решение сделать Новониколаевск центром области было не продолжением предшествующей логики, а разрывом с ней.

В-четвертых, столичность как травматический слой. Обретение столичного статуса в 1921 году произошло не как естественный процесс, а как обрушившаяся катастрофа. Этот слой вступает в противоречия с позднейшими нарративами (например, транспортным, конструктивистским).

В-пятых, слой города-миллионника. Эффект «временной столицы», породивший ощущение незавершенности. Превращение Новосибирска

в первый за Уралом город-миллионник не компенсировало утраченный статус «столицы Сибири», феноменальный рост не снял противоречия, а воспроизвел ту же логику насильственного «заселения», что и в 1920-х. Миллионник стал не исцелением травмы, а ее повторением на новом историческом витке.

Таким образом, историко-административный пласт демонстрирует, что Новосибирск как гиперпалимпсестное образование работает через сложные механизмы: лакуны, эффекты просвечивания, конфликт логик, травму как основание, компенсацию как повторение травмы.

Транспортный пласт связан со строительством Транссиба и моста через реку Обь (1893). Он закладывает семиотику «города-вокзала», узла и транзита [7]. Этот пласт формирует нарратив «естественного возвышения» благодаря выгодному расположению. Покажем, как работает этот пласт, на примере двух мостов.

Первым значительным сооружением города и первым его памятником по праву считается железнодорожный мост, построенный по проекту профессора Н.А. Белелюбского. Мост был возведен по системе Генриха Гербера и стал третьим по счету консольно-балочным мостом в России. Семь пролетов, уникальные опорные узлы, двухраскосная система решеток полупараболических ферм – мост стал символом русской инженерной мысли и мастерства рабочих. Строительство моста продолжалось 3 года и 10 дней [10, с. 20–21].

В конце 1990-х годов начался его демонтаж, а весной 2001 один из пролетов установили на набережной Оби на месте старой пристани, и он стал основой историко-мемориального комплекса. Так инженерное сооружение, перестав быть частью дороги, обрело новую жизнь: из утилитарного объекта оно превратилось в памятник, который теперь напоминает о городских истоках.

Совсем иная судьба у другого моста – коммунального, который проектировался как постоянная переправа, но строился уже в других исторических условиях. В летние месяцы единственной связью между двумя берегами служил понтонный мост. Необходимость в постоянной переправе назрела уже в начале 1930-х годов, когда левобережье стремительно развивалось и разрасталось. В это же время появились и первые проекты капитального моста (В.Г. Шухов (1930–1931); Г.Д. Попов (1938)). Строительству помешала война. В послевоенное время в первоначальный проект внесли изменения: комбинированная балочно-арочная система, клепаные арки пролетом 128 м, трамвайные пути по центру, два пешеходных тротуара. Отказались от предусмотренных проектом украшений моста и сэкономили на насыпи дамбы левого берега, что обернулось огромными потерями на эксплуатационные расходы: полукилометровый подъем и спуск для транс-

порта. Длина моста – 2,3 км, надводная – 840 м. Открыли мост 20 октября 1955 года [10, с. 167].

Оба моста, таким образом, иллюстрируют разные механизмы работы с памятью, которые описывает Н.Г. Федотова. Железнодорожный мост, выведенный из эксплуатации, стал частью актуализированной городской памяти, превратившись в объект коммеморации. Коммунальный мост, напротив, сохранил свою утилитарную функцию – это пример потенциальной памяти (в терминах Н.Г. Федотовой). Два моста породили два разных способа обращения с прошлым: один превращен в символ, другой продолжает функционировать. Потенциальная память здесь – это не отсутствие памяти как таковой, а ее отсроченное, ожидающее состояние. Можно предположить, что, когда мост устареет и встанет вопрос о его реконструкции или сносе, память о нем актуализируется.

Если посмотреть на данные объекты сквозь гиперпалимпсест, картина становится гораздо сложнее. Коммунальный мост предстает как классическое палимпсестное образование: утопический проект 1930-х годов – мост как произведение инженерного искусства, украшенный обелисками и звездами; но в результате он был скорректирован прагматикой послевоенного времени в контексте экономии средств. Поверх этих пластов накладывается сегодняшняя утилитарная работа моста – с демонтированными трамвайными путями в 1992 году, с его ежегодными капремонтами и хроническими транспортными проблемами. Ранние слои не стерты, но частично скрыты, требуя особого прочтения.

Железнодорожный мост – обратный случай: он превращен из утилитарного объекта в чистый знак, в памятник, но сама эта операция (демонтаж, сохранение одного пролета) тоже палимпсестна по своей природе: город оставляет себе фрагмент как напоминание о том, что было утрачено целиком. Таким образом, два моста не образуют единого гиперпалимпсеста, но каждый по-своему демонстрирует, как прошлое вписывается в настоящее – через наслоения (коммунальный) или через замещение (железнодорожный).

Индустриальный пласт. Сегодня Новосибирск – это крупнейший промышленный центр. Но так было не всегда. Изначально Новониколаевск развивался как торговый, а не промышленный центр. Как замечает Н.Н. Протопопов, город «взошел на дрожжах спекулятивной лихорадки нахлынувших сюда торгашей» [16, с. 23]. Уже к 1913 году при населении 89 тыс. человек здесь насчитывалось около 350 торговых предприятий, 7 мельниц, 4 мыловаренных заводика и 2 лесопилки [16, с. 24]. Эти предприятия являются нижним, дореволюционным слоем индустриального пласта. Они носили полукустарный характер, не имели средств механизации, работали на местном сырье и обслуживали узкий локальный рынок.

Их следы в городском пространстве – небольшие производственные дворы, нерегулярная планировка, отсутствие санитарных зон. Тяжелой промышленности в городе практически не было, «единственной отраслью была маслодельная» [16, с. 25].

Однако именно в этой «кустарной» среде зарождались предприятия, которым предстояло пережить национализацию, индустриализацию и стать частью советской промышленной системы. Одним из таких предприятий стал Новосибирский жировой комбинат (НЖК), или Мылзавод, на примере которого мы покажем индустриальный слой.

Основан комбинат в 1918 году на территории сгоревшей ватной фабрики и выпускал изначально только мыловаренную продукцию. В 1932 году на перекрестке улиц Семьи Шампиных и Некрасова построили новое здание клуба, принадлежавшее предприятию. В годы войны комбинат выпускал жидкость «Стеол», солидол.

Военное время способствует формированию советского слоя индустриального пласта. Как отмечает С.Н. Баландин, сам город за годы войны во много раз увеличил свой индустриальный потенциал, в 1,5 раза возросла численность населения, раздвинулись его границы, выросли научные, инженерные и рабочие кадры [2, с. 3]. Эвакуированные предприятия создавали фундамент для превращения Новосибирска в крупнейший индустриальный центр востока страны.

В послевоенное время промышленность продолжала наращивать мощности: «... в целом в 1965 году предприятия Новосибирска выпустили в 26 раз больше продукции, чем в 1940-м» [2, с. 53]. НЖК вписывается в эту динамику: в 1952 году здесь ввели в эксплуатацию маргариновый завод, в 1956 году начали осваивать производство майонеза.

Однако индустриальный пласт не заканчивается советским периодом. На смену эпохе государственных гигантов приходят постсоветская реальность. На комбинате в 1996–1998 годы появляются собственные торговые марки продукции. Однако в 2020 году после процедуры банкротства предприятие было закрыто. Новосибирский майонез «Провансаль» в настоящее время выпускается в Екатеринбурге.

Предприятие закрыли, но оно не исчезло. Оно остается в виде топонимического следа. С 2021 года на территории бывшего завода компанией «Брусника» строится жилой комплекс «Мылзавод» (между улицами Писарева, Семьи Шампиных, Некрасова и Каменской). Однако это не полная реставрация памяти, а ее имитация: мыло здесь больше не варят, заводские корпуса не сохранены, архитектура нового ЖК не отсылает к индустриальному прошлому. Название работает как мемориальная этикетка, наклеенная на пространство, утратившее свою первоначальную функцию. Гиперпалимпсест в этом случае фиксирует лакуну между названием и местом.

И в этой лакуне, возможно, главная особенность постсоветского индустриального слоя.

Конструктивистский слой. Среди разнообразия пластов Новосибирска *конструктивистский* (1920–1930-е годы) занимает особое место. В отличие от транспортного пласта, который формировал семиотику «города-вокзала», конструктивизм предлагает нечто противоположное: не естественное разрастание, а проектное конструирование нового общества. Новосибирск из перевалочного пункта превращается, как подчеркивает в своем интервью И.В. Невзгодин, в «лабораторию конструктивизма», где отрабатывались принципы нового градостроительства [11]. Строительство Дома с часами, Дома Ленина, Дома-коммуны, комплекса Соцгорода и др. – это материальное воплощение утопии, попытка построить город нового типа, «Город Солнца» [6, с. 45]. Т.С. Иванова в воспоминаниях отмечает: «Мы верили, что строим город будущего» [4, с. 78]. Рассмотрим этот пласт на примере одного из известных проектов того времени, ставшем материальным воплощением этой идеи, – проекта Дома науки и культуры (впоследствии Театра оперы и балета).

Театр оперы и балета (НОВАТ) – идеальный гиперпалимпсест новосибирского конструктивизма. В нем наслаиваются разные слои. Первый слой – утопический. По проекту А.З. Гринберга и И.В. Киренского Дом Науки и Культуры (ДНиК) должен был стать городом-в-городе: шесть соединенных переходами корпусов с театром на 3000 мест, концертным залом на 750 человек, музеем, библиотекой, выставочным зданием и научно-исследовательским институтом [10, с. 128–137]. В итоге построили только театральную часть.

Второй слой – техноутопия. В 1930 году Т.Я. Бардт и М.И. Курилко разработали проект по системе «Геомасс». Здание задумывалось как *«театр техники и реальной обстановки (воздух, вода, автомобиль, трактор и пр.)»* [10, с. 128–137]. Проектировали «сверхмеханизированный театр планетарного типа», который при необходимости мог превращаться в цирк, планетарий или бассейн для водных пантомим.

Третий слой – чудо-купол (инженер С.А. Польшгалин, проект 1931 года): при диаметре 60 м и высоте 25 м толщина рабочей оболочки составляла всего 8 см. Как отмечает И.В. Невзгодин, таким образом был достигнут почти наивысший предел рационального использования железобетона как материала. Однако в 1937 году инженер С.А. Польшгалин был репрессирован, а в 1938-м арестован и Т.Я. Бардт. Само же здание называли *«самым большим и неудачным детищем конструктивизма»*. При строительстве в несколько раз была превышена заявленная смета, поэтому власти пришли к выводу, что строительство Новосибирского театра оперы и балета было *«начато в 1931 г. с явно вредительскими целями – заморозить государственные*

средства на объекте... отвлечь государственные средства от более необходимых мероприятий социально-бытового строительства, тем самым вызвать недовольство трудящихся и антисоветскую агитацию» [10, с. 128–137].

Четвертый слой – сталинская перестройка. С 1935 года конструктивистские формы заменили гигантским «ренессансным» двенадцатиколонным портиком, к своду подвесили деревянный потолок, а зал сократили с 2500 до 1900 мест. Появилось множество лишних помещений, а также ухудшилась акустика (эту проблему не решили до сих пор). Но в общем здание производит сильное впечатление своими размерами. В 1937 году макет театра отправили на Всемирную выставку искусства и техники в Париже, где он получил диплом Гран-при [10, с. 128–137].

Пятый слой – триумфальное открытие. 12 мая 1945 года театр открылся оперой М.И. Глинки «Иван Сусанин» (режиссер Н.Г. Фрид, художник К.Ф. Юон) [10, с. 128–137]. Открытие театра стало символом победы, возвращения к жизни после войны. Сегодня НОВАТ – визитная карточка Новосибирска, наравне с вокзалом. Здание хранит в себе следы всех переделок – лишние помещения, проблемы с акустикой, незавершенность исходного замысла. В этом смысле театр – не только памятник конструктивисткой утопии, но и пример гиперпалмпсестного образования: в нем одновременно проступают утопический проект 1930-х, сталинская критика с ренессансным портиком, триумфальное открытие 1945-го и сегодняшняя утилитарная работа.

Научно-академический пласт. В конце 1950-х в городе появляется собственная научная зона. Академгородок стал не просто научным центром, но и прямым наследником логики 1920-х: свозить лучших (в данном контексте, ученых), строить город с нуля. Он и сейчас живет как «город в городе», в нем своя атмосфера.

В 1957 году было принято решение о создании под Новосибирском научного центра Сибирского отделения АН СССР. За Академгородок взяли московские, ленинградские и новосибирские проектные институты. Место для него выбрали на 20 км южнее от города, в сосновом бору. Всего под городок отвели 1370 га, из которых 350 га – лес. Территория была поделена на три основные функциональные зоны: научную, жилую и зону общественного центра. Жилую зону планировали смешанной: десятиэтажные дома, коттеджи, со всеми необходимыми учреждениями обслуживания. Особенно удачным получился общественный центр с Домом ученых, гостиницей, кинотеатром, торговым центром, имевший линейную композицию. Жилая территория была разделена на микрорайоны и размещалась среди леса – главного богатства городка, которое старались сохранить [10, с. 170–173]. Строителям удалось сохранить даже отдельные деревья, расположенные в непосредственной близости от домов. Академ-

городок — одно из немногих мест в стране, где предусмотрели и реализовали специальную сеть дорожек для велосипедистов.

Осенью 1959 года со строительством Академгородка познакомился Н.С. Хрущев. Высотная застройка, свободная планировка, отсутствие «архитектурных ансамблей», извилистые тропинки, огибающие каждое дерево, вызвали недоумение у первого секретаря, потребовавшего большей практической целесообразности, «действительной красоты и хозяйственного подсчета». Он *«посоветовал строить городок более экономично, без излишних затрат»*. После критики первого секретаря из проекта исчезли дома высокой этажности и началось сооружение четырех-, пятиэтажных домов из сборных панелей. В результате город лишился вертикальных акцентов и крупного градостроительного масштаба, обеспечивавшего целостность всей планировки. И только лесопарки, сады и скверы облагораживают архитектуру городка, застроенного по преимуществу типовыми крупноблочными и крупнопанельными домами. В 1967 году авторы проекта Академгородка получили за свою работу Государственную премию СССР [10, с. 170–173].

Академгородок — это гиперпалимпсестное образование, в котором утопический слой не был стерт, а скорее застроен поверх. Хрущевская критика и типовые панельные дома не отменили первоначальный замысел — они его скрыли, но не уничтожили. Лес, который удалось сохранить, стал тем просвечивающим слоем, который поддерживает иллюзию утопии и сегодня. Парадокс Государственной премии 1967 года фиксирует этот разрыв: награжден проект, которого в реальности не существует. В отличие от театра, где сталинский портик конфликтует с конструктивистской формой, в Академгородке конфликт более мягкий — утопия не перестроена, а упрощена.

3. Культурно-географический компонент

Географический компонент был представлен в начале статьи. Перейдем к культурологической части данного компонента, в рамках которого выделим следующие пласты.

Топонимический пласт. Топонимика Новосибирска (село Большое Кривощёково, конец XVII века, затем Александровский, Ново-Николаевский, Новониколаевск) представляет собой наложение смыслов, каждый из которых фиксирует определенный этап в истории города: от возникновения первых поселений и строительства моста до советского и постсоветского периодов.

До появления на берегах Оби Новониколаевска здесь существовала сеть поселений: Кривощёково, Каменка, Бугры, Ельцовка, Барышевская и другие [13, с. 10]. Все они входили в Кривощёковскую волость — административную единицу, на месте которой позже возник Новониколаевск,

а затем и Новосибирск. Многие из этих деревень были перенесены, поглощены городскими застройками или же затоплены при создании Обского моря. Их номинации частично сохранились в наши дни (*Бугринская роща, Ельцовка, Каменка*), но сами поселения исчезли с карт. Все это формирует догородской слой новосибирского гиперпалимпсеста.

В начале строительства железнодорожного моста через Обь (1893) вокруг него стихийно начали возникать поселки железнодорожников и строителей. Улицы получали названия по функции (*Мостовая, Вокзальная, Тракторная – ныне Большевикская*), по географической привязке (*Каинская, Красноярская, Томская*) или по фамилии первых поселенцев (*Кривощёвская*) [13, с. 10]. Главная магистраль получила имя Николаевский проспект, в честь императора. Никакого единого плана номинации не существовало, названия рождались сразу, фиксируя навигационные ориентиры и память о первопроходцах. Позже этот слой будет практически стерт. От этого периода сохранились лишь единичные названия (*ул. Большевикская – бывшая ул. Тракторная*), в измененном виде. Важно отметить, что уже в этот период в городе сформировалась промышленная база, включавшая паровые мельницы, лесопильный завод, чугунолитейный завод «Труд» (1906) и, что особенно важно, мыловаренную фабрику и будущий НЖК, который мы рассматривали выше. Промышленность в то время не была доминантой, так как город оставался все еще торговым, но заложила основы для последующей советской индустриализации.

Интересен еще один момент: ученые появились на карте Новониколаевска еще до открытия университетов. Примером могут служить улицы Потанинская, Ядринцевская, Ломоносова и др. (всего 12), которые уже существовали на карте города 1906 года [13]. Таким образом молодой город позиционировал себя как часть общероссийского цивилизационного пространства.

Символическим актом раннего советского периода стало переименование главной магистрали – Новониколаевского проспекта, который в 1920 году стал Красным. М.Ю. Немцев замечает, что массовая волна переименований припала на 1957–1958 годы, но она не была реставрационной: дореволюционные названия не возвращались, вводились новые советские топонимы [12, с. 71]. Это означает, что разрыв с имперским прошлым оказался окончательным. Город не пытался вернуть себе дореволюционные номинации, как это происходило в Томске или Красноярске.

Наиболее мощный пласт академических номинаций в Новосибирске, связанный с функционированием сети академических учреждений (61 из 109), сформировался в 1950–1960-е годы. Р.В. Оплаканская отмечает, что в подавляющем большинстве это были урбанонимы, посвященные ученым. В основной массе антропонимические номинации носили символический

характер, поскольку номинируемые объекты не были связаны с присваиваемыми им именами людей (улицы *Коперника* и *Ньютона* в Кировском районе – индустриальной части города). Одновременно на карте города появились профессиональные номинации (улица *Ученых*, проспект *Науки* и другие). По словам Р.В. Оплаканской, академические урбанонимы образовали топонимические кусты, причем не только в строящемся в 20 км от центра Новосибирска Академгородке, но и в старых районах города (улицы *Лобачевского* и *Бессемера* в Заельцовском районе; улицы *Седова*, *Циолковского* в Дзержинском районе) [14, с. 161]. Этот момент стал ключевым событием в рамках гиперпалимпсеста: в одно десятилетие город радикально переписал свою топонимику, и старый дореволюционный слой был сознательно вытеснен новым советским.

После 1991 года Новосибирск демонстрирует топонимическую инерцию: номинации практически не менялись. Исключение – переименование улицы *Жданова* в *Авиастроителей* [12, с. 70–71]. Однако в академической топонимике переименования все же происходили. По наблюдениям Р.В. Оплаканской, в постсоветский период (середина 1990–2000-е годы) количество академических урбанонимов в Новосибирске возросло на 20 номинаций. Сохранялась тенденция мемориализации памяти представителей новосибирской академической элиты. Появление урбанонимов происходило как при выделении новых улиц из существующих (ул. академика *Кутателадзе* стала продолжением ул. *Пирогова*), так и при переименованиях (ул. *Физиков* – в ул. *Будкера*, первого директора Института ядерной физики, ул. *Институтская* – в ул. академика *Ржанова*). В отличие от «политических» переименований, о которых говорил М.Ю. Немцев, эти заменяли абстрактные профессиональные названия конкретными номинациями, не меняя сложившейся логики.

В последние годы появились новые городские объекты, также связанные с деятельностью ученых. *Площадь им. профессора Аяцинского* получила имя в 2003 году, торжественное открытие состоялось 1 ноября 2025 года; находится в непосредственной близости от возглавляемого им долгие годы вуза. Улица *Аяпунова* в Академгородке, 2004, названа в честь академика А.А. Аяпунова. Что касается неакадемических топонимов, М.Ю. Немцев выделяет две постсоветские модели. Первая – номинации «в честь людей, внесших вклад в развитие города». Так назван сквер архитектора А.Д. Крячкова, появившийся в 2016 году возле спроектированного им «100-квартирного дома». В центре этого сквера располагается памятник А.Д. Крячкову, установленный в 2008 году. Вторая – «просто красивые названия», не укорененные ни в локальной, ни в национальной истории (улицы *Флагманская*, *Мачтовая* и *Мореходная*, 2009) [12, с. 71].

Топонимический слой Новосибирска – никак не пример линейной эволюции. Это скорее наслоение нескольких эпох, каждая из которых оставила

свой след, не всегда различимый. Догородской пласт (исчезнувшие деревни Кривошековской волости) почти полностью выпал из памяти. Ранний стихийный слой (*Мостовая, Николаевский проспект*) был стерт советской топонимической революцией 1950–1960-х годов. Именно тогда, в борьбе за статус научного центра, город радикально переписал свою карту: появились улицы Коперника и Ньютона, проспект Науки, Ученых – часто без реальной связи с этими именами, скорее как идеологическая декларация. Позднесоветский период ознаменовался переходом от абстрактных названий к конкретным антропонимам (*проспект Науки* стал *проспектом Лаврентьева*).

Особо отметим, что постсоветское время, вопреки ожиданиям, не принесло декоммунизации. Как заметил М.Ю. Немецев, Новосибирск остался в «красном поясе»: советские названия консервировались, а новые вводились либо в честь ученых, либо в виде семиотически нейтральных «красивых названий». Лакуны при этом очевидны: из топонимики вытеснены гуманитарии (единственное исключение – *тропинка Горюшкина*), не возвращены дореволюционные имена, забыты деревни-предшественницы. Новосибирский гиперпалимпсест работает как механизм избирательной памяти: одно фиксируется, другое вычеркивается без следа. И в этом, пожалуй, его главная особенность.

Архитектурный пласт. Архитектура – это прямое отражение смены исторических нарративов. Здесь можно выделить основные четыре слоя. Во-первых, конструктивизм 1920–30-х годов, о котором уже подробно говорилось выше. Отметим лишь, что архитектура конструктивизма – это архитектура светлого будущего, каким его видели тогда. И.В. Невзгодин точно подметил, что «для Новосибирска конструктивизм не просто стиль, это идеология». Город доказывал, что он – столица Сибири, и здания, например, Стоквартирного дома и Дома Ленина, стали материальным воплощением этих притязаний.

Во-вторых, сталинский ампи́р. Театр оперы и балета, который в народе окрестили «Сибирским Колизеем», здание Обкома – все это примеры монументального, имперского стиля с размахом. Здесь культура уже не утопия, а инструмент власти. В Кемерове главный монумент пронизан трагизмом и тяжелым трудом шахтеров. В Новосибирске Оперный – это знак триумфа.

В-третьих, модернизм Академгородка (конец 1950-х – 1960-е). Архитектурный ансамбль СО РАН – это абсолютно другая история: не империя, не революция, а наука. Здесь воплотилась утопия «город в городе» – изолированный центр знания, вписанный в лесной ландшафт [5, с. 145].

В-четвертых, типовые крупнопанельные дома. В 1970–1980-е годы индустриальное домостроение достигло огромных масштабов. К 1973 году в Новосибирске уже 72 процента жилой площади возводилось в крупнопанельных домах [2 с. 109–111].

Может показаться, что перед нами пример поэтапной эволюции: от революционной утопии – к имперскому триумфу – к научной изоляции – к унификации. Но это лишь иллюзия. На самом деле слои не исчезли, они сосуществуют: конструктивистский Дом Ленина стоит рядом со сталинским Обкомом, а Академгородок соседствует с панельными многоэтажками и современными жилыми комплексами. Это и есть подлинный палимпсест.

В гиперпалимпсесте Новосибирска есть особые места, где отчетливо видна нелинейность городского развития и вытеснения неудобных смыслов. Одной из самых острых таких лакун является территория на углу улицы Нарымской и улицы «1905 года».

С 1920-х до конца 1940-х годов здесь располагалась внутренняя тюрьма ОГПУ-НКВД, печально известная как «Пересылка». Она была крупнейшим пересыльным пунктом, сортировочным узлом для этапов в Кузбасс, Норильск, Казахстан. Парадоксально, но тюрьма находилась в центре города – и при этом была «невидимой». Её не было на картах. Это сознательное вытеснение из городского текста само по себе усилило травму.

В 1950-е годы здание перепрофилировали под психиатрическую больницу. Это стало первой ступенью семиотической трансформации: место открытого насилия сменилось учреждением с медицинской, но все еще карательно-изолирующей функцией. Травма не исчезла – она замаскировалась.

В 2010-е годы финальным актом этого перекодирования стал снос исторических построек и возведение на их месте элитного жилого комплекса «Клевер» (сдан в 2016 году). Данная трансформация – от места государственного террора и социального отчуждения к территории престижного потребления – является наглядным примером забвения травматичной памяти через коммерциализацию пространства. Это создает глубокую лакуну: физические следы тюрьмы стерты, а ее история не маркирована и не мемориализована в современном городском тексте. На сегодняшний день от тюрьмы не сохранилось ни одного здания, ни одной мемориальной доски, ни одного знака. На месте, где людей сортировали для отправки в ГУЛАГ, теперь стекло и бетон элитного жилья.

В данном контексте вернемся к *культурной памяти города*, которая существует в двух состояниях: актуальном и потенциальном [18]. Оба эти состояния подразумевают наличие некоего следа – материального или символического, – который активизируется при смене культурных кодов. Возникает вопрос, к какому же состоянию отнести «Пересылку»? Она не попадает ни в ту, ни в другую категорию. След уничтожен физически. В городском пространстве нет ни зданий, ни табличек. Нет даже названия, которое напоминало бы о том, что здесь было. Это не забвение, а полное стирание с последующим коммерческим замещением.

Сравним с другими объектами Новосибирска. Остроги XVII–XVIII веков – пример потенциальной памяти: их следы сохранились в ландшафте и могут быть актуализированы. Новосибирский жировой комбинат (НЖК), закрытый в 2020 году, – пример перехода из утраченной функции в актуальную память: строящийся на его месте жилой комплекс называется «Мызавод», сохранилось имя, но с оговоркой. У «Пересылки» нет ничего.

Таким образом, новосибирский материал помогает дополнить схему Н.Г. Федотовой. Существует третье состояние культурной памяти города – нулевое, при котором след ликвидирован, пространство замещено иным содержанием.

Здесь особенно показательно сравнение с Кемерово. Пожар в «Зимней вишне» 2018 года – это актуальная травма, она открыта. Память о ней борется за место в публичном пространстве. В Новосибирске все по-другому. О травме не просто забыли – ее физически уничтожили, и на месте уничтожения построили жилье. В этом и заключается главное отличие новосибирского гиперпалимпсеста от кемеровского.

«Пересылка» – это лакуна, которую создавали постепенно: сначала вытеснением с карт, потом маскировкой под больницу, потом физическим сносом, и наконец – коммерческим замещением. Она стала символом «города без прошлого» – устойчивой, болезненной мифологемы Новосибирска.

Заключение

Проведенный анализ городского субтекста Новосибирска подтвердил исходную гипотезу. Город представляет собой гиперпалимпсест особого типа, отличный от кемеровского. Если в Кемерово травма остается открытой, а память продолжает борьбу за место в публичном пространстве, то новосибирский субтекст показывает иную логику: травматические слои не скрыты и не конфликтны, они физически уничтожены и замещены.

Модель культурного гиперпалимпсеста, апробированная ранее на материале Кемерово [17], доказала свою эвристическую силу и применительно к Новосибирску. Ключевые характеристики модели: высокая плотность и конфликтность наложений, наличие значимых лакун, нелинейность и эффект «просвечивания», многоканальность нарративов – работают и здесь, но наполняются специфическим новосибирским содержанием.

Высокая плотность и конфликтность наложений. В городском пространстве сосуществуют и сталкиваются разные пласты: историко-административный (от острогов XVIII века до советского «назначения» столицей), транспортный (семиотика «города-вокзала»), индустриальный (от ватной фабрики до НЖК и его постсоветского облика), конструктивистский (утопия «Города Солнца»), научно-академический (Академгородок как «город в городе»), постсоветская коммерческая застройка и другие.

Наличие значимых лакун. Доисторический слой (палеолитические стоянки, тюркские топонимы) присутствует в ландшафте и языке, но полностью вытеснен из актуальной культурной памяти. Конструктивистская утопия реализована лишь фрагментарно – театр сохранил следы недостроенного Дома науки и культуры, а Академгородок был упрощен после хрущевской критики. Травматическая память о репрессиях и «Пересылке» не просто вытеснена, а физически уничтожена и застроена элитным жильем.

Нелинейность и эффекты «просвечивания». Административная история региона демонстрирует разрыв, а не преемственность: Новосибирск был «назначен» столицей в 1921 году вопреки предшествующей логике, когда территория будущей области представляла собой совокупность периферийных зон без единого центра. Обретение столичного статуса произошло не как естественное развитие, а как катастрофа – эпидемия тифа, голод, принудительное выселение горожан. Этот травматический слой просвечивает сквозь позднейшие нарративы триумфального роста.

Многоканальность нарративов. Городской текст Новосибирска кодируется одновременно в архитектуре (от конструктивистского Дома Ленина до сталинского Оперного и модернистского Академгородка), в топонимике (от дореволюционных улиц Ломоносова до советских Коперника и Ньютона и постсоветских «красивых названий»), в ландшафте (гранитное основание, засыпанные овраги, Обское море как «утопленный текст»).

Особое значение в новосибирском гиперпалimpseсте имеет синхронный срез – точки, где исторические слои сталкиваются сегодня. Одна из наиболее острых – территория «Пересылки», изменения которой показывают радикальный механизм работы памяти.

Сравнительный анализ объектов позволил выделить три механизма работы памяти в Новосибирске. Первый – забвение без полного стирания. Остроги XVII–XVIII веков утратили свои функции, не сохранились как материальные объекты, но их местоположение повлияло на организацию дорожной сети и вектор расселения. Следы существуют в ландшафте, но не маркированы в актуальной городской памяти. Это то, что вслед за Н.Г. Федотовой можно назвать потенциальной памятью: след прошлого существует, но временно выпал из актуальных практик и может быть актуализирован при смене культурных кодов.

Второй – стирание с сохранением номинации. Новосибирский жировой комбинат (НЖК), или Мылзавод, закрыт в 2020 году. На его территории строится жилой комплекс «Мылзавод». Предприятие физически исчезло, но название сохранилось. Память о производственной функции места продолжает существовать в топониме, хотя мыло здесь больше не варят и заводские здания не сохранились.

Третий – полное стирание и замещение. «Пересылка» – тюрьма, затем психбольница, затем элитный ЖК «Клевер». Ни одного сохранившегося здания, ни одного упоминания в названии. Память не просто забыта – она физически уничтожена и замещена пространством престижного потребления.

В рамках гиперпалимпсеста важно различать эти три состояния, потому что они по-разному «просвечивают» сквозь толщу пластов. Остроги просвечивают редко и случайно – лишь при археологических раскопках. Мызавод просвечивает постоянно – через топоним, введенный в повседневную жизнь горожан. «Пересылка» не просвечивает вовсе, ее нигде нет.

Таким образом, Новосибирск предстает не как город с «утраченной» или «репрессированной» памятью, а как город, где работа памяти подчинена жесткой иерархии: одни слои консервируются, другие вытесняются, третьи физически уничтожаются. Эта иерархия определяется не столько значимостью события, сколько его способностью вписаться в доминантный нарратив и в современный этап развития.

Литература

1. Административно-территориальное деление Сибири: справочник / сост.: И.Ф. Астраханцева, А.А. Дудолодов, М.И. Тимошенко. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. Изд-во, 1966. – 220 с.
2. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства, 1945–1985 гг. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. – 160 с.
3. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Учпедгиз, 1960. – 395 с.
4. Иванова Т.С. Мой Новосибирск. Книга воспоминаний. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2008. – 304 с.
5. Маранин И.Ю. Мифосибирск: мифы, тайны, байки и реальные истории о Новосибирске. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2019. – 216 с.
6. Маранин И.Ю., Осеев К.А. Город красного солнца. – Новосибирск: Масс-Медиа-Центр, 2017. – 240 с.
7. Минина Н.В. История города Ново-Николаевска (1893–1908). Сборник документов. – Новосибирск: НГОНБ, 2009. – 260 с.
8. Мугако А.А. Природа Новосибирской области: популярный географический очерк. – Новосибирск: Новосиб. гос. краеведч. музей, 2008. – 40 с.
9. Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 / сост.: В.И. Баяндин, В.А. Ильиных, С.А. Красильников [и др.]. – Новосибирск: Экор, 1997. – 768 с.
10. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. – Новосибирск: СО РАН, 2011. – 192 с.
11. Невзгодин И.В. Интервью о конструктивизме в архитектуре Новосибирска // Идеи и идеалы. – 2014. – № 4 (22), т. 2. – С. 158–160.

12. Немцев М.Ю. О неизменности топонимики постсоветского Новосибирска // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. – Волгоград, 2014. – С. 68–76.
13. Новосибирск. Историко-географический атлас / Федеральная служба геодезии и картографии России. – М.: Роскартография, 1993. – 119 с.
14. Оплаканская Р.В. «Академические» номинации городских объектов в топонимическом пространстве Томска и Новосибирска // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 486. – С. 159–164.
15. Панков С.А. Становление Новониколаевска/Новосибирска как столицы Сибири в начале 1920-х годов // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 14–21.
16. Протопопов Н.Н. Экономика нашей области. Из прошлого // Протопопов Н.Н. Новосибирская область. – Новосибирск: ОГИЗ, 1946. – С. 23–26.
17. Татарникова Ю.А. Сибирский свертхтекст как культурный гиперпалimpseст: к постановке проблемы (на материале городского субтекста Кемерово) // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 1, ч. 2. – С. 394–416.
18. Федотова Н.Г. Культурная память года: концептуальный анализ // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2018. – № 3 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-pamyat-goroda-kontseptualnyy-analiz/viewer> (дата обращения: 03.03.2026).

References

1. Astrakhanseva I.F., Dudoladov A.A., Timoshenko M.I., comp. *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri* [Administrative-Territorial Division of Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 220 p.
2. Balandin S.N. *Novosibirsk. Istoriya gradostroitel'stva, 1945–1985 gg.* [Novosibirsk. History of Urban Planning, 1945–1985]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986. 160 p.
3. Eroshkin N.P. *Ocherki istorii gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii* [Essays on the History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1960. 395 p.
4. Ivanova T.S. *Moi Novosibirsk. Kniga vospominanii* [My Novosibirsk. A Book of Memories]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2008. 304 p.
5. Maranin I.Yu. *Mifosibirsk: mify, tainy, baiki i real'nye istorii o Novosibirske* [Mythosibirsk: Myths, Secrets, Tall Tales and True Stories about Novosibirsk]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya Publ., 2019. 216 p.
6. Maranin I.Yu., Oseev K.A. *Gorod krasnogo solntsa* [City of the Red Sun]. Novosibirsk, Mass-Media-Tsentr Publ., 2017. 240 p.
7. Minina N.V. *Istoriya goroda Novo-Nikolaevska (1893–1908). Sbornik dokumentov* [History of the City of Novo-Nikolaevsk (1893–1908). Collection of Documents]. Novosibirsk, NGONB Publ., 2009. 260 p.

8. Mugako A.L. *Priroda Novosibirskoi oblasti: populyarnyi geograficheskii ocherk* [Nature of the Novosibirsk Region. A Popular Geographical Essay]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei Publ., 2008. 40 p.
9. Bayandin V.I., Il'nykh V.A., Krasil'nikov S.A., comp. *Nasha malaya rodina: kbres-tomatiya po istorii Novosibirskoi oblasti, 1921–1991* [Our Small Homeland. A Reader on the History of the Novosibirsk Region. 1921–1991]. Novosibirsk, Ekor Publ., 1997. 768 p.
10. Nevzgodin I.V. *Konstruktivizm v arkhitekture Novosibirska* [Constructivism in the Architecture of Novosibirsk]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2011. 192 p.
11. Nevzgodin I.V. Interv'yū o konstruktivizme v arkhitekture Novosibirska [Interview on Constructivism in the Architecture of Novosibirsk]. *Idei i ideal'y = Ideas and Ideals*, 2014, no. 4 (22), vol. 2. pp. 158–160.
12. Nemtsev M.Yu. [On the Invariance of Toponymy in Post-Soviet Novosibirsk]. *Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni* [Historical Marking of Space and Time]. Proceedings of the Seminar held by Volgograd State University with the Support of the Friedrich Ebert Foundation on May 13, 2014. Volgograd, 2014. pp. 68–76. (In Russian).
13. *Novosibirsk. Istoriko-geograficheskii atlas* [Novosibirsk. Historical and Geographical Atlas]. Moscow, Roskartografiya Publ., 1993. 119 p.
14. Oplakanskaya R.V. «Akademicheskie» nominatsii gorodskikh ob'ektov v toponimicheskom prostranstve Tomska i Novosibirska [“Academic” Nominations of City Objects in the Toponymic Space of Tomsk and Novosibirsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2023, no. 486, pp. 159–164.
15. Papkov S.A. Stanovlenie Novonikolaevska/Novosibirska kak stolitsy Sibiri v nachale 1920-kh godov [Transforming Novosibirsk into the capital of Siberia in the early 1920s]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2024, vol. 9, no. 2, pp. 14–21.
16. Protopopov N.N. Ekonomika nashei oblasti. Iz proshlogo [Economy of Our Region. From the Past]. Protopopov N.N. *Novosibirskaya oblast'* [Novosibirsk Region]. Novosibirsk, OGIZ Publ., 1946, pp. 23–26.
17. Tatarnikova Y. The Siberian Supertext as a Cultural Hyperpalimpsest: Towards a Problem Statement (Based on the Urban Subtext of Kemerovo). *Idei i ideal'y = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 1, pt. 2, pp. 394–416.
18. Fedotova N.G. Kul'turnaya pamyat' goda: kontseptual'nyi analiz [Cultural Memory of the City: Conceptual Analysis]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Memoirs of Novgorod State University*, 2018, no. 3 (15). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-pamyat-goroda-kontseptualnyy-analiz/viewer> (accessed 03.03.2026).

Статья поступила в редакцию 15.05.2026.

Статья прошла рецензирование 22.05.2026.

The article was received on 15.05.2026.

The article was reviewed on 22.05.2026.